

АЛИМ ГАСЫМОВ: “МЕЧТАЮ СПЕТЬ МУГАМ В СОПРОВОЖДЕНИИ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА”

Алим Гасымов — лауреат музыкальной премии ЮНЕСКО и участник проекта “Великий Шелковый Путь”, организованного Йо-Йо-Ма - вывел на новый виток мировой интерес к древнему искусству мугама. Автор книги “Философия музыки. Теория и практика искусства таqат” Гюльтекин Шамилли поговорила с выдающимся азербайджанским певцом и его дочерью и ученицей Фарганой о их пути в музыке и месте уникальной традиции в новом веке.

Беседа Гюльтекин Шамилли, доктор искусствоведения (Москва)

Искусство, которое с давних пор и по сей день будоражит умы и сердца почитателей музыки имеет самое короткое название, передаваемое в единственном слове — макам (маком). В переводе с арамейского и древнееврейского языков, а много позднее и арабского оно означает «место» и «местоположение». В этом слове скрывается необъятное историческое прошлое — можно ли измерить временем колыбельную песню или похоронный плач? Но именно интонации народной музыки на протяжении веков отбирались, пере-

рабатывались, отшлифовывались и, наконец, сохранялись в устной профессиональной музыкальной традиции Передней и Центральной Азии — искусстве *макам* — оживали в музыке, которая сохранялась изустно, не записывалась нотами как состоявшееся целое, тысячелетиями передавалась от учителей ученикам, ведь «учитель-ученик» — важнейшее звено исторической цепочки вплоть до новейшего времени.

Азербайджанский мугам или мугам-дастгах (*mugam-dastgah*) — так принято называть многочисленные вокально-инструментальные и инструментальные композиции — будучи одной из жанровых разновидностей искусства макам, является много большим чем звучащая музыка. Это выраженная в звуке мудрость, сжатый в мгновение исторический опыт, не вмещающийся в понятия национального и даже регионального. Вопрос — чем именно азербайджанский мугам отличается от других образцов этого искусства, таких как макам аль-ираки, нуба, мувашшах, таксим, фасль, маком и мукам, тесно сопряжен с историей этой земли.

Две уникальные исполнительские школы профессиональной музыки устной традиции — карабахская и апшеронская с центрами в Шуше и Баку — стали средоточием регионального музыкального наследия и мощными проводниками азербайджанского языка, музыки и духовности со второй половины восемнадцатого века. От интеллектуальных собраний (маджлис) поэтессы Хуршидбану Натаван (1832—1897) в Шуше и до музыкальных собраний Машади Малика (1845—1909) в Баку, эти школы, поддерживая музыкальную активность регионов и их историческую связь с сопредельными культурами, формировали традицию, в которую подобно ручейкам с высоких вершин вливались новые обновляющие ее звуковые притоки, фоносферы разнообразных культурных ландшафтов, отличающие одну школу от другой не просто перечнем имен, но и способом мыслить и выстраивать музыкальный текст.

Алим Гасымов (Алим Хамза оглу Гасымов), один из современных исполнителей азербайджанского мугам-дастгах, — обладатель уникального голоса и природных музыкальных данных, выделивших его из ряда известных певцов еще в середине 80-х прошлого столетия. Он принадлежит к редким музыкантам, которые не вмещаются в понятие «школа», создают мощный поток традиции, смыкающий любые границы не только внутри ее самой, но и между Востоком и Западом, притягивают и поглощают сознание исполнителей и слушателей на полярных полюсах мира.

«У меня нет никаких слов!»

Непривычно видеть Алима не на сцене. Гордо приподнятая голова, острый взгляд, природное чувство юмора скрывают ранимое сердце и тонкое ощущение печали окружающего мира, которое несут в себе незаурядные личности. Он говорит только на азербайджанском языке и, казалось, полностью погружен в устную традицию. Протянутую мною в подарок книгу о искусстве макама передает с наказанием прочитать и изучить досконально дочери, Фаргане (Фаргана Алим кызы Гасымова), которая с самого детства усваивала опыт отца, став со временем полноправным членом его ансамблевой группы и заслуженно разделяя с ним всемирную славу. Не стесняясь, говорит о том, что не рассказчик, ему трудно говорить, а когда просят об интервью, задают конкретные вопросы, ощущает беспомощность, подбирает слова и искренне радуется найденному ответу.

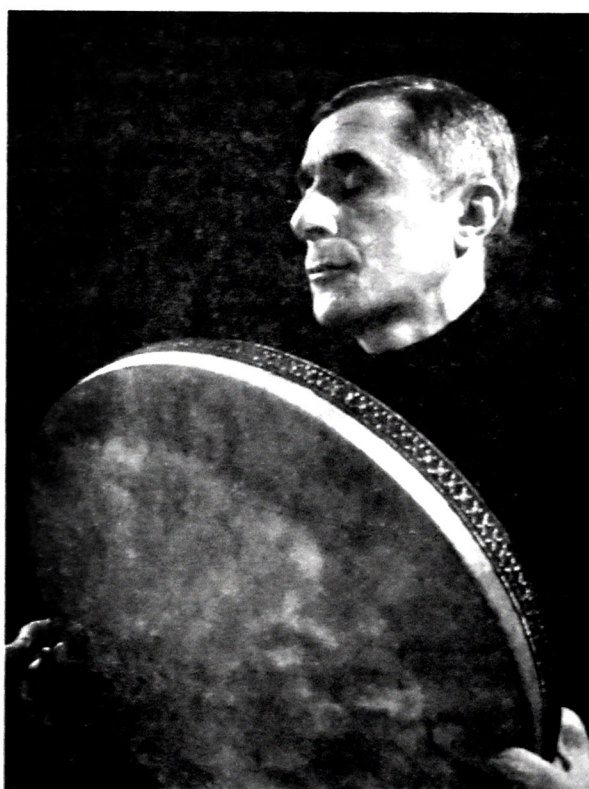
ГШ: Готовясь к встрече, я прослушала все доступные Ваши интервью и поняла, что даже если бы наша встреча не состоялась, смогла бы написать о Вас книгу на основе того, что почерпнула из Ваших же слов.

АГ: Я не понимаю, что на меня нисходит? Когда журналисты просят о интервью, я говорю: «У меня нет никаких слов!». Но я вынужден отвечать на поставленные конкретные вопросы. Потом удивляюсь, откуда берутся речи? Откуда приходят слова?

Начинаю искать ответы, и они находятся, слава богу! Хотя я ничего не знаю, ничего в памяти не держу, я же не оратор, у меня нет никаких слов!

«В шесть утра в нашем доме уже звучала музыка»

Алим Гасымов родился в августе 1957 года на родине матери, недалеко от Шемахи, в горном поселении Набур, основанным согласно ранним сведениям русской этнографии (Ф. А. Деминский. «Некоторые сведения о Кабристанском полицейском участке Шемахинского уезда Бакинской губернии», Тифлис, 1901, с. 47 — Г.Ш.), в четырнадцатом веке евреями, принявшими суннитский ислам, возможно, переселенцами из северо-западного Ирана, спасавшимися от нашествия завоевателей. С тех пор многое изменилось, и некогда невозделанная земля, сурово встретившая

первого человека, превратилась в благодатную почву, вслаханную человеком музицирующим.

Музыка проникает в сознание из фоносферы окружающего мира. Нужно только услышать как с тобой разговаривает мир — распознать ритмику птичьего щебета, мелодии ветра и воды, шепот листвы и звучание деревьев.

ГШ: Несомненно, в слове «традиция» заключено и то, чем наполняется сознание человека с первых минут его рождения: голос матери, звуки природы, речи окружающих людей. Давайте вспомним первые годы жизни — какими они сохранились в Вашей памяти?

АГ: По линии матери я из Набура, а по линии отца — из Гурбанчи (административный центр Гобустан, Горно-Ширванский экономический район Азербайджана), которое населяло племя терекеме

(терекеме — название кочевого тюркоязычного племени в этногенезе современных азербайджанцев — Г.Ш.). И если набурцы были оседлым населением, занимались земледелием и ковроткачеством, то жители Гурбанчи в большинстве занимались животноводством. Но я не долго проживал на этих землях, так как мы всей семьей постепенно продвигались к большим городам.

ГШ: Уверена, что в Вашей родословной не могло не быть музыкантов.

АГ: Конечно, были очень музыкально одаренные люди, хотя и не профессиональные музыканты, но с незаурядным музыкальным дарованием. Старейшины говорили, что мой дед со стороны отца отлично танцевал и пел, у него был прекрасный голос, и в роду отца были голосистые люди, а в родословной мамы были ашуги (ашуг — профессиональный традиционный певец-сказитель, играющий на струнном щипковом инструменте сазе — Г.Ш.). У нее самой, если и не было сильного голоса, то энергетика ашугов в ней присутствовала, причем с очень сильно развитым от природы чувством ритма — это все дар божий, не приобретенный по жизни. Отец прекрасно пел на свадьбах, — не как приглашенный профессионал, а просто так для людей, имитировал мелодии зурны, напевал мугам, не зная слов, без текста, без специальных навыков, но с красивыми украшениями. Они вставали в четыре-пять утра, взбивали молоко, делали простоквашу, потом продавали ее на рынке. В шесть утра в нашем доме уже звучала музыка, доносившаяся из радио. Мы, будучи детьми, высовывались, словно птенцы, из окон комнаты и следили за происходящим. Когда радио выключалось, заводили старый проигрыватель, и слушали пластинки. В детстве я все время настукивал какие-то ритмы и наигрывал мелодии на струнах, которые отец для меня пригвоздил к деревяшке, а потом отец сделал мне бубен (даф) буквально из ничего и саз и вот так постепенно я втянулся...

ГШ: Но ведь для этого необходимо умение, чтобы изготавливать инструменты!

АГ: Да, у нас оно было. Однажды отец обработал шкуру козла, зачистил, отшлифовал ее, потом обрезал чугунную кастрюлю и намотал на нее шкуру, закрепив веревкой — вот и получился ударный инструмент! Он сам играл на нем. А из дюралюминиевой кружки разок сделал корпус для струнного сазы — и колки были, его можно было даже настраивать! Если бы я сохранил этот музыкальный инструмент! Сегодня он был бы бесценным, с хорошо обтесанной верхней деревянной декой, шейкой, к которой были прилажены струны. Можно было бы играть на нем. Я его все время вспоминаю, он прямо перед глазами. Жаль, что в шалости, в подростковом возрасте, разбил этот инструмент. Но и сломанный саз повесил бы сейчас дома на стену.

ГШ: Наверное, были и колыбельные мамы...

АГ: Да, но помню ее баяты (стихотворная форма

в виде четверостишия — Г.Ш.) на импровизированный текст: Əzizim buda məni / Xənjəl al buda məni / Gör nə günə galmışam (Алим комментирует: «говоря это, она протягивала руку в сторону отца») / Vəuənmir buda məni («Любимый, заведи мою жизнь / Возьми кинжал и заведи мою жизнь / До чего ж мне жизнь не мила / Ведь и ты не полюбишь меня» = пер. с азерб. Г.Ш.). У нее был отменный музыкальный вкус, просто удивительный. Она говорила, что слушая ашугов, всегда загадывала, чтобы кто-нибудь из ее детей, а у нее было два сына, стал ашугом.

ГШ: А как звали маму?

АГ: Мадина. А отца — Хамза.

«Наши мастера создали особый порядок исполнения мугам-дастгах»

Мы говорим о жанре мугам-дастгах, традиции и памяти, сохраняющей мугам на земле Азербайджана. Алим после утомительного перелета в Москву предвкушает грядущий концерт, с особой деликатностью и уважением к происходящему отвечает на вопросы, изредка бросая теплый взгляд на любимую дочь.

ГШ: Если размышлять о теме «мугам и традиция», какой смысл Вы вложили бы в эти слова?

АГ: Я понимаю так, что традиция, если думать о мугаме, это прежде всего правило звуковысотного ряда, или шкалы, которую нужно строго соблюдать, исполняя разделы музыкальной композиции. И каждый исполнитель-творец, постигая опыт мастеров прошлого, усваивает эту традицию, придерживается ее. Однако певец может сформировать свой вокально-исполнительский стиль: например, использовать спонтанно услышанное или специально прослушанное и усвоенное в разделах композиции, привести «дыхание» (нафас) различных певцов в небольшие композиционные разделы. Наши мастера создали особый порядок исполнения мугам-дастгах, который отличается от другой подобной музыки. Если у нас принято завершить часть композиции на том же самом «месте», где она звучала, сыграв ритмичную инструментальную пьесу (ренг), то у других народов, в Иране в том числе, нужно после каждой композиционной части вернуться к начальному местоположению, прежде чем перейти к следующему разделу.

«Я пел по дороге, в автобусе, в электричке пока добирался до дома»

В индивидуальном стиле Алима произошло единение двух контрастных стихий: рафинированного, изысканного орнаментального звучания искусства макама и той самой неуправляемой энергетике ашугов-озанов, образы которых дошли до нас из глубокой древности, сохранились в рельефах памятников древнего Ура и Месопотамии. Повторение за учителем мелодии на уроке и ее безупречное воспроизведение на последующих занятиях — только одно из начальных требований, необходимая работа на пути более чем десятилетнего обучения этому искусству. Далее мелодии

собираются в многочастные композиции согласно определенной схеме, в соответствии с нормативной структурой композиции, обусловленной звукорядом, или последовательностью «мест звука» (запомните эту фразу! — прим. авт) — они выстраиваются в восходящем порядке от низкого к самому высокому.

Пройдут годы прежде чем ученик получит право исполнения композиций типа мугам перед взыскательной публикой. К этому времени он освоит значительный корпус классической поэзии, лирики, сочинений Физули, Захида, Сеид Азима Ширвани и других выдающихся поэтов, вошедших в «золотой фонд» азербайджанского мугама.

ГШ: Когда Вас спрашивают о учителе, Вы всегда отвечаете, что у исполнителя мугам-дастгах не может быть один учитель, что у Вас было несколько учителей. Но как это возможно, когда речь о традиционной школе?

АГ: Мы же в обычном образовании меняем учителей, переходим из начальной школы в среднюю, из средней в высшую, так? И точно так же при изучении этого искусства. Так должно быть! Меня, например, в искусство привел за руку Агахан Абдуллаев. Он был моим первым учителем.

ГШ: Но ведь основы, заложенные первым учителем, никогда не стираются из памяти, это подобно фундаменту здания.

АГ: Я уже пел песни, когда пришел к нему, причем я копировал манеру певцов, в том числе и тех, кого слушал на пластинках. Например, Баба Мирзоева (поет - Г.Ш.), Ислама Рзаева (поет - Г.Ш.), покойного Ровшана Бехджата, он был родом из Ирана, а там понимают толк в украшениях (зангула). Потом пришел черед Ниаметдина Мусаева и других. Но мугам я не знал.

ГШ: Значит впервые порядок следования мелодий (радик) Вы узнали от Агахана?

АГ: Да, именно так, от него. Однако на первом курсе я понял, что это занятие не по мне, я не могу ничего усвоить.

ГШ: В чем была трудность?

АГ: В том, что не было никаких записывающих устройств. Учитель поет, ты должен повторить (напеваешь - Г.Ш.). Учитель разок показал на уроке, ты повторил и идешь себе домой. А что потом? По дороге ты понимаешь, что ничего не запомнил. И что делать? Как удержать в памяти урок? Я пел по дороге, в автобусе, в электричке пока добирался до дома. Я даже не замечал, что все время что-то напеваю и вот так прихожу домой. Мы очень страдали от отсутствия магнитофона.

ГШ: А на следующем уроке обнаруживаете, что

АГ: ... что-то в памяти сохранилось, а что-то уже потеряно.

ГШ: Учитель взыскивал?

АГ: Нет, конечно, но напряжение в моей семье возрастало. Отец переживал, что стыдно будет перед всеми, если уйду из музыкального училища, успокаивал меня, просил перетерпеть, я же

капризничал и, чтобы настоять на своем, придумал, зная, что в доме нет денег и это невозможно сделать, что мне якобы нужна машина, чтобы меньше тратить время на дорогу, а мы жили очень далеко, за городом и добираться было действительно сложно. Ох, что же это был за возраст с глупыми капризами! И родители таки купили машину: мама пошла работать на железную дорогу, взяла кредит... (сильно расстраивается, вспоминая этот эпизод жизни).

«Я не изменил своему учителю!»

По ходу разговора вспоминаю биографии выдающихся музыкантов, в жизни которых случались похожие истории. Родители, бабушки и дедушки, интуитивно чувствуя неординарность своих детей, порою идут на безумные, казалось бы, жертвы, но в результате оказываются правы: их дети, достигая вершин творчества, не только хранят в памяти чувство благодарности, возможно и перемешанное с чувством вины, но, главное, что они дарят людям то, что не успели отдать родителям. Однако Алим не успокаивался.

АГ: Ну что за ребячество! Разве оно искупается знанием? Тогда кредитная система была такой, что разыгрывали лотерею. Родители купили подержанный москвич. И так я стал добираться от станции Ашагы Гюздах на берегу озера Джейран-батан — не путайте с селом Гюздах — до Баку на машине. После второго курса я стал посещать уроки Гаджибабы Гусейнова.

ГШ: Агахан не ревновал Вас к другому учителю?

АГ: Конечно ревновал, но меня уже невозможно было остановить. Я не изменил своему учителю! Просто после его урока шел на другой. Например, мое занятие у Агахана заканчивалось в двенадцать дня, а урок Гаджибабы начинался днем в три часа.

ГШ: На самом деле не каждому дана такая воля: во-первых, нарушить установленный учебным заведением и традицией порядок вещей, а во-вторых, учиться весь день с утра до вечера.

АГ: Иногда я выходил из училища часов в семь-восемь вечера и обнаруживал, что с утра ничего не ел. А денег было — копейки в кармане. Я покупал бублик или коржик — так это, кажется, называлось — и кофе. Вот и весь обед, но сколько счастья было! Вот так и учился. А потом перешел к изучению старых грампластинок. К изучению старого стиля таких мастеров как Сеид Шушинский и других ушедших из жизни выдающихся певцов.

ГШ: А сильно различались методы обучения в классах Агахана и Гаджибабы?

АГ: У Гаджибабы были особые кульминации в композиционной форме с определенным эмоциональным состоянием. И это сохранялось в его манере говорить, и преподавать.

ГШ: А в построении музыкальной фразы?

АГ: Агахан тоже учился у Гаджибабы. Гаджибаба Гусейнов прекрасно знал и исполнял мугам.

«Надеюсь, что Фаргана завершит то, что я начал»

Алим либо не расслышал, либо же сознательно пропустил мой последний вопрос, и мы перешли к другой теме. Немыслимое количество стихов, удерживаемых в памяти певца, как и собственно мелодии, станут со временем визитной карточкой, позволяющей выделить себя из ряда других как профессионала, свободно нанизывающего мелодии словно жемчужины на скрытую нить ожерелья, сжимать и разжимать музыкальную композицию во времени, буквально играть со временем, с атомами времени, чувствовать себя творящим звуковой мир и менять состояния этого мира, вызывать слезы и восторг у слушателей.

Как это всегда бывает в истории искусства и литературы, теория искусства макам отставала, запаздывала за практикой, столетиями вырабатывая собственный язык описания — в начале с опорой на древнегреческую мудрость, а позднее — на классическую арабскую (семитскую) филологию, адаптированную музыкальной мыслью не только терминологически, но и методом: филологический метод выделения «корня» и «ветвей» в звучащей палитре композиции за много столетий предвосхитил теории глубинной структуры, ставшие достоянием западноевропейской теории музыки в XX веке.

Исследователи по сей день бьются над смыслом средневековых музыкальных трактатов, большинство которых сохраняется в рукописной традиции и все еще недоступно широкому кругу читателей.

ГШ: Учителя разъясняли Вам значение названий мелодий или композиций, названия разделов — что они означают и какой несут эмоциональный смысл? Например, что такое Бали кабутар? Ее обычно переводят как «Крылья голубки».

АГ: У нас эта традиция можно сказать, что отсутствует. Разъясняли несколько названий, например, «Баба Тахир» и другие. Но в отличие от иранской у нас нет такой традиции. Если очень немногие исполнители на таре знают и могут объяснить последовательность мелодий и этимологию названий, то среди певцов такой практики можно сказать не существует, включая и меня самого.

ГШ: А в устной традиции разве не сохранились предания о названиях мелодий? Может в местах, где мугам систематически исполняется на свадьбах или проходят интеллектуальные собрания?

АГ: Может быть, но совсем немного. Например, мелодия «Бали кабутар» (напеваает - Г.Ш.). Считается, что название «Крылья голубки» связано с ритмом, который имитирует звучание крыльев птицы. Я такое слышал, но нельзя сказать, что стало традицией это разъяснять. Вы эту мелодию имеете в виду (напеваает мелодию - Г.Ш.)?

ГШ: Да, конечно.

АГ: При желании ее можно спеть и как газаль (лирическая стихотворная жанровая форма — Г.Ш.) на определенные слова (напеваает). Если, конечно,

придет вдохновение во время концерта. Надеюсь, что Фаргана завершит то, что я начал. Хотя на ней большая семейная ответственность: три дочери и сын. Она очень талантлива и некоторые тонкости знает лучше меня. Она изучала мугам на основе строя сетара (трехструнный щипковый музыкальный инструмент — Г.Ш.). Этот инструмент позволяет проникнуть даже в небольшие разделы формы.

ФГ: Да, именно так, я так и выучила мугам-дастгах Шур и Баяте Курд.

АГ: Все должно быть выучено настолько добросовестно, что если тебя разбудят посреди ночи и скажут — «Бали кабутар», ты должна сразу же спеть мелодию, не раздумывая. Тогда к пятидесяти или шестидесяти годам ты соберешь знания всех выдающихся певцов, это необходимо. Нельзя лениться несмотря ни на какие обстоятельства!

<https://music.yandex.ru/album/14054684>

«Если ученик действительно талантлив, неважно у кого он учится»

Постепенно в беседу все больше включалась Фаргана. Мы перешли к теме о стиле и методе обучения. Алим и здесь был неординарен, сказав то, что можно прочесть только в талмудической литературе, настаивающей на самом процессе учебы, а не его конечном результате, который зависит не от учителя, а от ученика, потому что результат от усвоенного знания — это всегда жребий.

ГШ: У вас есть свой собственный метод преподавания?

АГ: Я полагаю, что прошел через школы выдающихся музыкантов и преподавателей — и здравствовавших, и тех, кто давно покинул этот мир. Поначалу меня спрашивали — «Почему ты поешь как Гаджибаба? Пой как Хан Шушинский!». Но я отвечал, что моя душа склоняется к этому, иначе я не могу. Я не пел как Агахан — у него совершенно другой стиль. Однако же, исполняя мугам в стиле Гаджибабы, не терял себя — он даже сам об этом сказал как-то одному музыканту (гармонисту Низаму): «Я вот слушаю этого соловья и думаю: Гаджибаба Гусейнов? Нет, не он! Джаббар Гарягды? Нет! А кто, кто же? Сеид Шушинский? Нет же! Но кто же?» Гаджибаба ведь сам ответил на свой вопрос. То есть, подражая ему, я в итоге собрал лучшее от всех. Возможно и Гаджибаба в свое время сделал то же самое. Он шел за Зульфи Адыгезаловым, но в итоге нашел себя. Хотя, если послушать внимательно как он исполняет мугам-дастгах Чахаргах, можно услышать и Сеида Шушинского, Алескера и даже Джаббара. Но его собственный стиль и голос были превыше всего.

ГШ: Вы преподаете мугам? Есть у Вас ученики?

АГ: Да, конечно, и в музыкальном училище им. Асафа Зейналлы, и в Национальной консерватории. Но я никогда не называю имена учеников, потому что мне не хотелось бы, чтобы они хоть на йоту думали, что учитель их формирует, что благодаря учителю они становятся известными певцами — это

совсем не так! Потому что, если ученик действительно талантлив, не важно у кого он учился. Разве это зависит от техники или метода? Вообще нет! Хотя учитель учителю рознь. У одних научаются и ученики, и зрелые мастера, а у других ни те, ни другие. Но я никогда не кичусь и не горжусь учениками. Если нет в крови таланта, то и нет, а если есть, то учитель не особо и влияет. Хотя есть певцы, на которых я повлиял и это слышно, а другие используют только определенные приемы из моего арсенала. Ну это проходящее.

ГШ: Но все же я могу назвать имя одной вашей ученицы, которое вы уже никогда не утаите.

АГ: Фаргана-ханум!

ГШ: Конечно!

АГ: Теперь я хотел бы стать ее учеником, она очень талантливый учитель!

ФГ: На самом деле я всегда ходила за ним, перенимала, училась. Но ему никогда не нравилось мое пение. Во время концерта я стараюсь поддержать его манеру, его вокал, если можно так выразиться. Потому что он может все кардинально изменить на концерте.

АГ: Не думаю, что кто-то кроме Фарганы мог бы петь рядом со мной. Потому как во время творческого процесса я превращаюсь в «дьявола», независимо от себя. Мне все равно, что она моя дочь, я беспощаден и к ней, и к таристу, и к кеманчисту — ко всем! Приходит вдохновение такое, что я вскипаю, они же вынуждены играть и петь как это делаю я. Она должна отвечать мне в той же самой манере, а если не сможет во время концерта — просто опозорится. Поэтому наше вокальное искусство развивается так же как и инструментальное. Мы спели подобным образом несколько мугам-дастгах — об этом можно написать даже отдельную работу. Вы их слышали?

ГШ: Нет.

АГ: Жаль! Представляете, мы оба поем дастгах Шур, причем не договариваясь заранее, кто и что будет петь: все происходит как между таром и кеманчей, в диалоге и постоянном перебрасывании музыкальной мысли внутри разделов от одной фразы к другой, от меня к Фаргана и наоборот. Одно вплетается в другое до бесконечности. Мне кажется, в мире мугама такого еще никогда не было.

«Мы спели так, как никогда не исполняли на Востоке»

Редко услышишь из уст выдающегося музыканта точное определение того, что именно он привнес в музыку устной профессиональной традиции, в мугам. Это не значит, что все ограничивается его словами, конечно. Но все же.

ГШ: Так что вы сделали впервые в мире мугама?

АГ: Это какой-то дар небес, что мы начали внедряться в крупные формы, в дастгах, и как бы перебирать их изнутри в диалоге. И Раст мы так спели, и Баяте Шираз. Будто не певцы мы, а инструменталисты, пели в диалоге, сопровождая

друг друга. Она смотрит на меня, я на нее, и оба чувствуем друг друга, когда именно подхватить и продолжить. В итоге мы спели так, как никогда не пели на Востоке — это новая форма исполнения дастгах, совершенно новая!

ГШ: Записано?

АГ: Да. Мы обязательно перешлем вам записи. Они вдохновят на новые работы — уверен в этом!

ГШ: Запись с концертов?

АГ: Конечно.

ФГ: Только Чахаргах был записан в студии по инициативе американцев — они привезли своего режиссера и издали диск, а остальные — записаны на концерте.

АГ: Но ведь концертная запись слаще!

ГШ: Конечно, то вдохновение ничем не заменишь.

АГ: Особенно Баяте Шираз. Обязательно послушайте, когда получите запись и напишите нам.

«Все лучшее в этом мире всегда единично, и в профессии, и в человеческих делах»

Трудно было бы представить, что Алим может быть категоричным, если это не касается профессионально-исполнительских проблем. Размышляя о современной практике искусства макам, как сохранить его и преумножить, он очень деликатен, подбирает слова, говорит тихо, но при этом очень твердо.

ГШ: Сегодня в Азербайджане традиции мугама уделяется пристальное внимание. А что вы посоветовали бы как музыкант?

АГ: Раньше на телевидение и радио попасть было очень сложно. Когда-то Гаджи Мамедов, уникальный тарист, виртуоз, король таристов, с которым я впервые вышел на сцену, будучи студентом в 1984 году, взял меня с собой на радио, чтобы записать мугам Чахаргах, но ему отказали, сказав, что я еще молод. К тому времени мы уже выступали с ним на телевидении, получили признание, но все равно нас не пустили, даже несмотря на авторитет Гаджи Мамедова. А сейчас, когда я смотрю по телевидению передачу «Час мугама», вижу молодежь, которая вроде как поет мугам, но разве это назовешь этим словом? Где точность, украшения, мысль, энергия, сердце — тут одного голоса недостаточно! Зритель может отвернуться от мугама, потерять интерес к этому искусству. И чем ниже планка, тем больше разочарованных. Поэтому должен быть такой канал и время передачи, чтобы там показывали специалистов, настоящих знатоков, сведущих в тонкостях, независимо от голосовых данных (ведь у Гаджибабы не было большого диапазона, но как он пел!). Я бы назвал такую передачу «Истинный мугам». Все лучшее в этом мире всегда единично, и в профессии, и в человеческих делах. Лучшее всегда ищешь со свечой. Высокая духовность никогда не накрывает всю культуру без остатка, ну три-пять процентов, и так должно быть и было всегда. Это как свет, на который собираются, чтобы получить

духовное наслаждение. У великого Физули много почитателей? Отнюдь. И мугам так же.

ГШ: Это не массовое искусство.

АГ: Именно так.

«Исполняя мугам, мы лишали слушателей чувств и заново оживляли»

Современный Азербайджан, являясь уникальным историческим перекрестком культур авраамических религий — иудаизма, христианства и ислама, а также языковых групп — семитской, индоевропейской и тюркской — предъявляет не только богатство и разнообразие природы, климатических поясов, ландшафтов и населяющих их народов, но и хранит непреходящую память о путях взаимодействия и взаимообогащения культур. На этих дорогах вызревали беспрецедентные вековые и онтогенетические основания для кристаллизации феномена мугам-дастгах с его разнообразной психоэмоциональной палитрой — от тихой скорби до вселенской радости и мощи. В этом звучании каждый услышит созвучное своим устремлениям, настроению и мыслям, обретет силу жить и выжить, творить по принципу «добрые мысли, слова и дела» как заповедовали древние, сохранявшие это искусство.

ГШ: Фаргана, я не задаю вопрос Алиму, ведь он не ответит на него, но вы помогли бы понять — традиция мугама была, есть и будет, а каково место Алима Гасымова в мире мугама?

ФГ: Алим Гасымов утвердил мугам в мировом масштабе. Другие начали, а он поставил новую печать.

АГ: «Печать»! Ну раз уж сказала, — не забывай это слово.

ГШ: Какую?

АГ: Это правда, что на нашу долю выпало так, что мы объездили с концертами семьдесят или больше процентов земного шара. Исполняя мугам, мы лишали слушателей чувств и заново оживляли. Это так, нам был дан такой шанс. Если предшественники большей частью распространяли мугам в восточных странах, записывали пластинки, мы же расширили масштаб и распространили его по всему миру. Нас однажды спросили в Иране, что мы делаем такое, что азербайджанский мугам так популярен в мире. Я ответил, что это заслуга не самой музыки, а ее исполнителей. Ведь иранский дастгах тоже популярен, потому как иранские музыканты распространили и культивировали его и продолжают это делать во многих странах. Но если

их обычно слушают сами иранцы, проживающие за границей, то азербайджанцев на наших концертах практически не бывает.

ФГ: Раньше не было такого информационного потока, какой есть сейчас благодаря средствам информации, интернету. Но одаренные люди были всегда и Алим-муаллим один из них. Это судьба, божье провидение сделало его таким, какой он есть, и неважно, летают ли самолеты, есть ли интернет...

«Я мечтаю спеть мугам в сопровождении симфонического оркестра»

Мугам и симфоническая музыка — это особая тема в азербайджанском искусстве XX века. Оба классических профессиональных жанра — традиционный и европейский — шли навстречу друг другу, взаимодействуя, порождая новые формы и исполнительские форматы. На этом пути возникли «мугамная опера» и «симфонический мугам». Однако меньше всего в нашей беседе я ожидала услышать от Алима о симфоническом оркестре.

ГШ: А какие концерты имеют для вас особое значение?

ФГ: Те, что мы играли в Баку, конечно. Это большая ответственность, петь среди знатоков. Я помню каждый из них и даже по сей день слушаю, изучаю, анализирую, несмотря на то что прошли десятилетия.

АГ: Мне однажды выслали запись моего концерта в Тегеране, где я пою мугам Баяте-Шираз. Не поверил тому что услышал — там все будто с ног на голову перевернуто, все разделы перетасованы и даже «Хаверан» (поет), но это потрясающе. Я и не помнил уже об этом. Но мечтаю о другом — спеть мугам в сопровождении симфонического оркестра. Меня пока что не слышат. Нужен человек, который, как и я сам, загорелся бы этой идеей.

ГШ: Мне кажется, я знаю такого человека. А что вы хотели бы напоследок сказать читателям, чего не говорили прежде?

АГ: Есть музыка состояний, та, что дарит любовь, наслаждение, перерождение — не нужно тратить время на преходящую музыку, слушайте настоящее и слушайте настоящий мугам!

ГШ: А что такое мугам?

АГ: У нас говорят макам и мугам. Макам — это «место», это «достижение места». Именно здесь, на этом «месте» ты можешь показать определенную эмоцию, смысл, сказать то что нужно, а на другом месте этого уже не будет, но будет что-то иное. Достиг — и действуй!